

Бой за Семеновские высоты

«Семеновское – место роковое и славное!..» – восклицает Ф. Н. Глинка в одном из своих очерков, посвященных Бородинскому сражению. Заметим, что рок и слава сопутствовали героям битвы при Бородине не только на узком пространстве позиции, где были возведены Семеновские, или Багратионовы флеши. Однако в отечественной историографии повелось так, что именно с защитой этих укреплений стали связывать самые значительные события на левом фланге. В многочисленных описаниях Бородинского сражения бой за флеши, известный небывалыми 8-ю атаками, длившимся с 6 утра и до полудня, занимает гораздо больший объем, чем оборона деревни Семеновское. Последнее событие связывают главным образом со вступлением в бой гвардейских полков. Поэтому неудивительно, что потере флешей приписывается едва ли не решающее обстоятельство. Событиям же, происходившим вокруг Семеновского, где флеши составляли лишь часть оборонительной линии, традиционно придается меньшее значение как в планах русского командования, так и в ходе самой битвы. Например, Л. П. Богданов в содержательной статье, посвященной многим спорным обстоятельствам, связанным с размещением войск, указывает: «Сильные узлы сопротивления в районе дер. Шевардина, с. Бородино, Багратионовых флешей, батареи Раевского и Утицкого кургана являлись опорой боевого порядка»¹. Здесь Семеновское, как мы видим, вообще не упомянуто. Источники же убеждают нас в обратном. Участники сражения неоднократно в рапортах, дневниках, воспоминаниях называли Семеновское «ключом всей позиции», указывая, что именно там по берегу оврага проходила главная линия обороны, удержать которую являлось делом чести всей армии.

Ограниченное представление о позиции левого фланга, неверный взгляд на значение происходивших там событий, невнимание к существенным деталям в рассказах очевидцев, «не говоря уже о

перепутанности моментов, отчего происходит неопределительность участия в оных войск того или другого корпуса...»ⁱⁱ – все это вместе взятое препятствовало созданию связной картины сражения. В числе причин этого следует назвать также наличие в отечественной историографии предрассудков, разрушение которых выглядело как бы умалением славы героев Бородина. Однако придуманные сведения о придуманных же атаках разрушали логику событий, тем самым умалялись и заслуги русского командования, и подвиги русских воинов, «с бодростию жертвовавших жизнью за Отечество». Доблесть наших предков при Бородине не нуждается в приукрашивании. Рапорты и наградные списки, письма и воспоминания говорят сами за себя. «Все было испытано в сей день, до чего может возвыситься достоинство человека!» – вспоминал А.П. Ермолов. Оторвавшись от устойчивой историографической традиции и опираясь на свидетельства очевидцев, мы попытаемся воссоздать хронику событий, связанных с дер. Семеновское. Подобная историческая реконструкция заставляет нас не только стремиться «к конкретности знаний, ... единству описания и объяснения фактов», но «подчас к образности изложений военно-исторических знаний»ⁱⁱⁱ. Само собой разумеется, что в повествовании о событиях на Семеновских высотах много времени и места отводится князю П. И. Багратиону, проявившему в тот день сполна качества, «которыми он так щедро был наделен от природы».

Выбор подходящей для генеральной битвы позиции оказался делом непростым. 21 августа М. И. Кутузов писал Ф. В. Ростопчину от стен Колоцкого монастыря: «Я доныне отступаю назад, чтобы избрать выгодную позицию. Сегодняшнего числа хотя и довольно хороша, но слишком велика для нашей армии и могла бы ослабить один фланг»^{iv}. Снять проблемы угрозы «одному флангу» не удалось и в последующие дни. Можно было лишь уменьшить степень риска для армии, численно уступавшей неприятелю,

которую Кутузов ни в коем случае не собирался подвергать разгрому. Но быстрые передвижения с позиции на позицию при ограничении во времени не могли не отразиться на решениях квартирмейстерской части, что проявилось в канун Бородина.

Выбор местности, назначенной для 2-й Западной армии, удивил ее главнокомандующего, местопребывание которого с 22 августа обозначено так – дер. Семеновское «на позиции». Обозрев местность по пути к деревне, он сразу же отметил несообразности в первоначальном расположении левого крыла, которым не придали значения офицеры квартирмейстерской части. Военный теоретик и участник битвы К. Клаузевиц писал об этом так: «...Дорога, ведущая из Смоленска на Москву, проходит, к сожалению, не перпендикулярно Колоче, а некоторое время тянется параллельно с ней... Вот почему, если расположиться параллельно речке, придется иметь путь отступления в косом направлении и тем самым с самого начала подвергнуть опасности левый фланг. Такое построение было тем более недопустимо, что на расстоянии в полумиле от большой дороги проходит другая дорога на Москву, ведущая непосредственно в тыл этой позиции... Одно лишь продвижение противника осуществляет обход»^v.

Естественно, об этом промахе русского командования ничего не сообщалось ни в Реляции, ни в официальных известиях из армии от 27 августа, ни позже в «Описании битвы при селе Бородине...» К. Ф. Толя. В последнее десятилетие историки вообще не упоминали об этом досадном происшествии. Но свидетельство Клаузевица находит подтверждение в «Записках» А.П. Ермолова, дневнике Э. Ф. Сен-При, в «Изображении военных действий 1-й Западной армии» М. Б. Баркляя де Толли. Возникает вопрос: было ли принято решение о перемещении левого фланга за Семеновский овраг до Шевардинского боя или явилось его последствием, как утверждал Барклай де Толли? Последний сообщал Александру I: «23-го сопровождал я князя Кутузова при осмотре левого фланга, то есть: места,

назначенного для 2-й армии <...> Кн. Багратион донес кн. Кутузову, что в настоящем положении левый его фланг подвергался величайшей опасности. Наконец, решено, что в случае неприятельского нападения, сей фланг отступит и станет между упомянутой высотой и деревней Семеновское. На сей предмет предписано было построение батарей и редутов. Я не постигал, почему сему движению надлежало исполняться по нападении неприятеля, а не заблаговременно...»^{vi}.

В изложении Баркляя де Толли распоряжения Кутузова представлены настолько нелогичными, что сама ситуация выглядит неправдоподобной. Рассказ об этих же событиях А. П. Ермолова, на наш взгляд, вызывает больше доверия. «В некотором расстоянии позади левого фланга углублялся довольно крутой ров, затруднительный для переправы и сообщений. В версте от левого фланга проходила через лес старая почтовая дорога, склоняясь в тыл позиции. Кутузов, осматривая позицию, приказал отклонить левый фланг так, чтобы ров, позади простирающийся, был впереди онаго. Конечность фланга назначил укрепить несколькими флешами»^{vii}. Л. П. Богданов, уделив в своей статье значительное внимание выбору позиции и назначению Шевардинского редута, считал все, о чем поведал Клаузевиц, вымыслом, также как и подробности, сообщенные Баркляем де Толли и Ермоловым. Историк полагал, что Багратион принял решение укреплять флешы и Шевардинский редут до приезда Кутузова на левый фланг, и ни о какой перемене позиции речи не велось. Свою точку зрения Л. П. Богданов аргументировал так: «Во-первых, рекогносцировка проводилась М. И. Кутузовым уже после того, как было принято решение о сооружении укреплений на высоте у дер. Семеновской. Об этом свидетельствует приказ П. И. Багратиона от 23 августа, в котором говорится, что все генералы 2-й Западной армии должны быть готовы «ехать с его сиятельством [М. И. Кутузовым] для рекогносцировки...» Следовательно, рекогносцировка левого

фланга еще не проводилась М. И. Кутузовым, а П. И. Багратион уже отдает распоряжение о строительстве укреплений у дер. Семеновское и Шевардинского редута...»^{viii}.

Мы еще вернемся к этому приказу князя Багратиона. Пока лишь отметим, что сам князь Петр Иванович на подобное самовольство вряд ли бы решился. В тексте цитированного документа назван титул особы «его сиятельство», в то время как Кутузова величали «его светлость». Следовательно, на рекогносцировку намеревался ехать сам князь Багратион. Он, как и все в армии, знал, что Бородинская позиция «была выбрана теми же глазами, которые выбирали все позиции для Барклая, то есть глазами полковника Толя»^{ix}, с которым незадолго до назначения Кутузова у Багратиона было серьезное столкновение под Дорогобужем, когда выяснилось, что часть русской армии развернута на позиции спиной к неприятелю. Толь грозила отставка, но с приходом Кутузова, у которого Толь был любимым учеником, положение его укрепилось. Ситуация была деликатная, из нее следовало искать выход.

Не исключено, что выезд на позицию князя Багратиона с генералитетом 2-й армии совпадал по времени с прибытием на левый фланг Кутузова, которому «второй главнокомандующий» должен был высказать свои критические соображения, заручившись поддержкой соратников. В приказе № 63 (от 23 августа) в дер. Семеновское говорится: «Его сиятельство Главнокомандующий приказать изволил дать знать всем г. генералам 2-й Западной армии, чтобы они были готовы ехать с его сиятельством для рекогносцировки и чтоб могли отправиться в ту же минуту, как о сем дастся им знать»^x.

После совместной рекогносцировки Багратион представил Кутузову веские доводы к изменению позиции левого крыла. Сторону князя принял начальник Главного штаба Л. Л. Беннигсен. В результате все согласились с

доводами Багратиона и признали необходимым передвинуть левый фланг за вторую (восточную) ветвь Семеновского ручья, где этот фланг приобрел вид «облического загиба», а войска 2-й армии были частично прикрыты обрывистым берегом оврага. Однако, если правое крыло располагалось в малодоступной для нападения местности, на позицию левого фланга, имевшую также свои сильные стороны, следовало все же обратить более пристальное внимание и «укрепить с помощью искусства».

Начальник штаба 2-й армии Э. Ф. Сен-При записал в дневнике: «...Деревня Семеновка (Семеновское. — *Л.И.*) была ключом выбранной позиции. Неприятель мог легко обойти эту позицию, двигаясь через Ельню по Старой Смоленской дороге на Утицу, и затем лесами мог подойти на близкий пушечный выстрел к Семеновке. Главнокомандующий, чтобы воспрепятствовать приближению к ней, приказал укрепить деревню и возвести перед ней несколько флешей»^{xi}. Лишь после этого в том же приказе (от 23 августа) князь Багратион распорядился возводить упомянутые укрепления и выделить для инженерных работ сначала по 25 человек из каждого полка. «Людам сиим будет производиться плата по 15 коп. в сутки», — сказано в приказе (сумма по тем временам немалая)^{xii}. Но вскоре стало очевидно, что рабочих рук не хватало. К концу дня Багратион приказал выделить из каждой пехотной дивизии дополнительно еще по 500 человек и 400 человек ратников ополчения «для скорейшего и удобнейшего построения редутов». 600 человек из 27-й пех. дивизии Д. П. Неверовского должны были вязать фашины; им предписывалось «быть всем с топорами», чтобы рубить в лесу ветки, «рабочим же прочих дивизий быть с лопатками»^{xiii}.

Укрепления, служившие для связи с войсками на Старой Смоленской дороге и прикрывавшие левый фланг, получили название Семеновских, или Багратионовых флешей. Они были возведены на высотах между Каменским и Семеновским ручьями. Со временники много говорили об этих укреплениях:

«...Наскоро сооруженные... вырытые в песчаном грунте, они сзади были открыты; не имели никаких искусственных препятствий... Ни одно из этих укреплений не могло выдержать серьезного штурма»^{xiv}.

Но не следует забывать о наличии укреплений и в самой дер. Семеновское, хотя историки упоминают о них глухо. Можно предположить, что эти укрепления были достаточно сильными. Сен-При отмечал в своем дневнике, что ко времени шевардинского боя войска 2-й армии «успели лишь занять артиллерией высоты и разрушить деревню Семеновку, которую не могли укрепить за недостатком инструментов. Только три флечи левее этой деревни были окончены»^{xv}. Отсюда следует, что 24 и 25 августа все силы были брошены на укрепление позиций за оврагом. Мы не можем точно определить тип укреплений. Унтер-офицер Тихонов назвал их «шанцами», французы называли «эполементами». Самое большое из них, на 24 орудия, по воспоминаниям того же Сен-При находилось на северной окраине деревни, на высоте, господствовавшей над местностью. Отсюда открывался обзор всего поля битвы, и одновременно брались под обстрел подступы к деревне, правая и средняя флечи, что отмечал в записках капитан Жиро де л'Эн: «Эти редуты были простые реданы ... в форме шеврона, не закрытые у входа, так что вторые позиции неприятеля оружейными и картечными залпами выметали находившихся внутри их. Удержаться в них было несравненно труднее, чем завладеть ими»^{xvi}.

Все естественные возвышенности использовались здесь с таким расчетом, чтобы обеспечить интенсивный перекрестный обстрел. Местность за домами образовывала гряду высот или гребень, что давало возможность сосредоточить здесь значительное число артиллерийских орудий, вводившихся в дело без сооружения специальных укреплений, как тогда говорили, «на откате».

В ходе работ не обошлось без досадного недоразумения. Сначала весь

шанцевый инструмент, «включая топоры», приказом Кутузова было велено передать в распоряжение Главной квартиры. Предполагалось возводить все укрепления под общим руководством генерал-лейтенанта Трузсона силами инженерных и понтонных рот. Когда же выяснилось, что к укреплению Семе новского следует привлечь как можно больше людей из находящихся там войск, инструмент пришлось возвращать обратно, но сделать это удалось не сразу. Багратион дважды 23 августа отдавал категоричный по форме приказ, заканчивавшийся словами: «...Полкам взять свои меры, чтобы отданной ими инструмент возвращен был непременно к утру завтрашнего числа»^{xvii}. Времени в запасе уже не оставалось. 24 августа в разгар инженерных работ на левом фланге, когда еще даже было не решено, какого типа укрепления следует соорудить на Курганной высоте в центре, на Бородинском поле появилась армия Наполеона. «...Надеялись, что арьергард сможет задержать атаку неприятеля еще в течение всего 24 числа и дать время окончить укрепления, – писал Сен-При. – Но с трех часов по полудни арьергард находился в полном отступлении...»^{xviii} и едва не принес на своих плечах неприятеля в неустроенную еще позицию 2-й армии. Следствием явился ожесточенный бой за Шевардинский редут.

После перемены позиции левого крыла редуту оставили роль наблюдательного пункта. Наполеон же принял его за основное укрепление русской оборонительной линии и приказал с марша его атаковать. 11-тысячный отряд под командованием генерал-лейтенанта князя А. И. Горчакова встретил противника и до глубокой ночи сдерживал его натиск. Редут несколько раз переходил из рук в руки, в «горячее дело» постепенно втянулись почти все войска 2-й армии. «И хотя неприятель усиливался и, возобновляя колонны, старался опрокинуть наши войска, но храбростью русских везде поражаем был с сугубою и гораздо важнейшею потерею», – доносил Александру I Багратион^{xix}. Отметим, что накануне генеральной

битвы и наши потери были также велики. Так, Орденским кирасирским полком на день битвы при Бородине командовал уже майор. Генерал-майор Д. П. Неверовский, начальник 27-й пех. дивизии, вспоминал: «Накануне сего сражения дали мне 4000 рекрут для наполнения дивизии; я имел во фрунте 6000, а вышел с 3000»^{xx}. 2 августа дивизия Неверовского лишилась почти половины своего состава в неравном бою под г. Красным, задержав неприятеля на пути к Смоленску. «Ведомость о недостающем числе людей...» (от 19 августа 1812 г.) показывает самые большие потери по 2-й армии в 27-й пех. дивизии^{xxi}, которые так ненадолго были возмещены за счет новобранцев, приведенных М. А. Милорадовичем.

«25-го числа, кроме перестрелки, ничего важного не происходило», – сообщал Багратион в донесении государю^{xxii}. «Через весь тот день трудясь во усовершенствовании военных приготовлений к генеральному сражению, приводили все войско в уверенность и полную готовность дать отпор врагам своим», – вспоминал участник битвы М. М. Петров^{xxiii}.

Нижние чины, слышавшие разговоры среди офицеров, потом вспоминали: «Сказывали, будто Багратион бранился с Штабными и говорил: «Чего вы все за правый фланг страшитесь? Вы берегите левый фланг!»^{xxiv}. А уберечь левый фланг можно было, по определению английского полковника Р. Вильсона, «воззвав к храбрости каждого солдата отдельно». Хотя на левом фланге инженерные работы велись не прекращаясь, по-видимому, успели соорудить лишь батареи, пехотные опорные пункты почти отсутствовали, что явствовало из хода самого сражения. Это означало, что защита полутораверстового участка позиции будет обеспечиваться высокой плотностью боевых порядков пехоты и кавалерии при значительном сосредоточении артиллерии. По этой причине Багратион в своем последнем приказе (№ 128 от 25 августа 1812 г.) указывал: «Резервы иметь сильные и сколько можно ближе к укреплениям как батарейным, так и пехотным»^{xxv}.

Обеим сторонам предстояло, как выразился поэт, «ломить стеною».

В приказе Багратиона, вопреки правилу «уведомлять подчиненных своих, где он сам находится будет», ни слова не сказано о месте его пребывания в сражении, как, например, в приказе М. Б. Барклая де Толли по 1-й Западной армии. Очевидно, это было ни к чему. Генерал-лейтенант П. П. Коновницын не случайно отметил: «Бородинскую нашу позицию нужно смотреть с двух высот: с первой – впереди от деревни Семеновской...»^{xxvi}. С этой высоты главнокомандующий видел всех и все видели его.

В ночь на 26 августа (и особенно под утро) стало слышно, как пришла в движение вся неприятельская армия. Противник старался избегать лишнего шума, и это еще больше настораживало. «Неприятель может меня разбить, но сонным не застанет никогда», – часто повторял князь своим подчиненным^{xxvii}. И теперь его армия, поев каши и отдохнув у костров, постепенно становилась в ружье.

Утицкий лес наполнялся стрелками. Егерские бригады полковника Ф. Г. Гогеля и полковника Глебова 1-го, любимца и старого сослуживца князя, бесшумно занимали свои места. К ним присоединился отряд генерал-майора князя И. Л. Шаховского из 3-й пех. дивизии. Кустарник по берегам ручьев Каменка и Семеновского скрывал егерей из бригады полковника А. В. Воейкова. Цепь егерей протянулась от Семеновского до Старой Смоленской дороги, скрытно приблизиться к позициям 2-й Западной армии было невозможно. Главное командование в лице М. И. Кутузова, судя по рапортам командиров гвардейских частей, также принимало свои меры. В 5 часов утра часть гвардии получила приказ сблизиться с войсками, занимавшими Семеновское.

Вместо 27-й пех. дивизии, которой следовало по диспозиции занять флешу, Багратион выдвинул вперед сводно-гренадерскую дивизию генерал-майора графа М. С. Воронцова. Ей предписано было сначала

находиться за деревней в резерве левого крыла. Однако диспозиция от 24 августа не учитывала потерь 27-й дивизии в бою за Шевардинский редут. «Я тебя поберегу», – сказал Багратион Неверовскому^{xxviii}. В предрассветной мгле гренадеры Воронцова заступили место в первой линии, готовясь встретить неприятеля. Внутри каждой флешки разместилось по одному батальону для прикрытия артиллерии. Левую флешку занимали двенадцать орудий 32-й батареей роты подполковника Ф. И. Беллинсгаузена; в правой и средней разместилось соответственно семь и пять орудий 11-й батареей роты полковника Богуславского. Позади укреплений в одну линию выстроились оставшиеся восемь батальонов дивизии Воронцова, а за ними на западном берегу Семеновского оврага встали десять батальонов сильно поредевшей 27-й пех. дивизии Неверовского, готовой в случае необходимости поддержать гренадеров.

Главные силы 2-й армии расположились на восточном берегу оврага в дер. Семеновское. Л. П. Богданов в статье «Боевой порядок русской армии в Бородинском сражении» справедливо отмечал: «...Еще недостаточно изучены боевые порядки и размещение войск на Бородинской позиции, особенно на ее левом фланге. Необходимо более детально проследить перегруппировку войск, произведенную М. И. Кутузовым в день сражения»^{xxix}. Диспозиция от 24 августа отражает расположение обеих армий именно на этот день и совсем не отражает картины на 26 августа. В деревне перед сражением было сто изб, которые пришлось разобрать во избежание пожара. По словам начальника штаба Сен-При и дежурного генерала С. И. Маевского, уцелело лишь две из них, которые можно было быстро разобрать с началом битвы. На это же указывал поручик пионерных войск Д. Богданов. Французы же утверждали, что им приходилось сражаться среди домов, охваченных пламенем и условно называли Семеновское «горелой деревней». Здесь, до поры скрываясь за возвышенностью, располагалась 2-я гренадерская дивизия генерал-майора

принца К. Мекленбургского, племянника Александра I, который его не любил. Зато, по свидетельству французского шпиона, собиравшего сведения о русских генералах, принца очень любили подчиненные, да и не только они. Ф. Н. Глинка, описывая события у дер. Семеновское, отметил: «... Тут ранен принц Карл Мекленбургский, которого так любили жители смоленские, когда он был у них на постое с своим прекрасным Московским полком»^{xxx}. 2-я гренадерская совместно с 2-й кирасирской дивизией генерал-майора И. М. Дуки, входившей в состав кав. корпуса генерал-лейтенанта Д. В. Голицына, располагавшейся несколько левее, составляли частный резерв левого фланга. Правее гренадер занял место 4-й кав. корпус генерал-майора К. К. Сиверса.

В диспозиции не отражено еще одно существенное обстоятельство. В частности, в ней говорится: «Центр из 6-го корпуса, под командою генерала от инфантерии Дохтурова. Левый фланг, из 7-го корпуса и 27-й дивизии, под командою генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го»^{xxxi}, что, как мы знаем, совсем не соответствует ситуации, сложившейся к 26 августа. Квартирмейстер 6-го пех. корпуса И. П. Липранди свидетельствовал: «25-го августа, после полудня, решено было сделать некоторые изменения в расположении войск 6-го и 7-го корпусов, ... стоявших в прямой линии от Горок до Семеновского, имея пред интервалом своим, наполовину пушечного выстрела курганообразную высоту. Изменение это заключалось в том, чтобы 6-й пехотный корпус, оставив свой правый фланг при Горках, подал свой левый вперед и примкнул к помянутой высоте, а 7-й корпус, оставив левый фланг при Семеновском, правым примкнул бы к той же высоте, которая посему и включалась в первую линию позиции, составив таким образом входящий угол между помянутыми двумя корпусами. Движение это приказано было привести в исполнение за несколько времени до рассвета следующего дня, 26 августа»^{xxxii}. Положение армии Багратиона несомненно усложнилось после назначения 7-го пех. корпуса генерал-лейтенанта Н. Н.

Раевского к обороне Курганной высоты в центре, что выяснилось лишь к вечеру 25 августа. Теперь для защиты деревни, особенно с севера, войск явно не хватало, и необходимость оборонять сразу два ключевых участка позиции ставило 2-ю Западную армию в опасное положение. Не без раздражения князь Багратион предупредил Раевского, что «он будет брать подкрепление из второй линии»^{xxxiii}.

«К рассвету густые туманы поднялись и, в 6 часу утра выступило великолепное солнце», – вспоминал Ф. Н. Глинка^{xxxiv}. Считанные мгновения выпали на долю тех, кто успел заметить красоту природы и полюбоваться ею. «С восхождением солнца, по всей линии от левого фланга до середины открылась ужасная канонада из пушек, гаубиц, единорогов. Выстрелы так были часты, что не оставалось промежутка в ударах...» – рассказывал И. Радожицкий^{xxxv}.

Князь Багратион и все находившиеся рядом с ним на командном пункте видели перед собой несметные массы войск. Они покрывали местность вокруг Шевардинского редута, где располагался командный пункт императора Франции. На всем пространстве, которое охватывал взгляд, строились неприятельские боевые порядки, подвигавшиеся к левому флангу. Численный перевес их на этом участке был ощутим. Если у Кутузова пока еще были сомнения в отношении того, куда обрушится главный удар, то главнокомандующий 2-й армии в этом уже не сомневался. Сражение еще не набрало силу, когда Багратион потребовал подкрепления у Кутузова, одновременно выдвинув в первую линию всю имевшуюся у него под рукой артиллерию, включая резерв у деревни Псарев: 110 орудий были расположены за Семеновским оврагом, 52 орудия – на флешах и в боевых порядках войск, оборонявших эти укрепления. Так как защитникам дер. Семеновское не хватало пехоты, до прибытия резервов Багратион рассчитывал продержаться с помощью артиллерии.

Первому нападению подверглись флешы. Овладеть «боковыми редантами» предписывалось 1-му пех. корпусу Л.-Н. Даву. Успех войск «железного маршала» должен был повлечь за собой не менее успешные действия со стороны 3-го и 8-го пех. корпусов, вверенных командованию маршала М. Нея. Ему при поддержке кавалерии надлежало прорвать оборону на участке севернее деревни. Тщательное обследование местности накануне, заблаговременное выдвижение 5-й и 4-й дивизий Компана и Дессе на исходные места к атаке, скрытый лесами бросок к флешам имели результат, который скорее всего следует признать неудачей. Углубившись в лес, вся дивизия Дессе и частично дивизия Компана сразу же столкнулась с егерями и завязла в длительной перестрелке. Перекатная стрельба в зарослях кустов и деревьев, перемещение егерских цепей из оврага ручья Каменка к Утицкому лесу показывали, с какой стороны ждать неприятеля, слишком далеко ушедшего от артиллерийского прикрытия. Выстрелы с батареи генерала Сорбье не достигали русской позиции, а следовавшая вдоль опушки батарея Пернети отстала от своей пехоты.

Наконец, генералу Ж.-Л. Шарье с двумя батальонами удалось обойти лесом южную флешь с фланга^{xxxvi}. Неприятель вдруг появился позади укрепления на опушке, но был встречен в лицо залпами картечи. «Действия с наших батарей было ужасно...», – доносил в рапорте начальник артиллерии 2-й армии генерал-майор Левенштерн^{xxxvii}. В числе первых был ранен генерал Компан. Гренадеры Воронцова «проводили французов на штыках до самого леса», но бой за укрепление завязался жестокий.

Очевидно, южная флешь не была рассчитана на длительную оборону. «Что касается Багратионовых флешей, – писал военный историк А. В. Геруа, – то они были построены так, что две передние давали взаимоперекрестную оборону со стороны Шевардина, а третья, построенная фронтом к югу, давала продольный обстрел правому флангу левой южной флешы и фронтальную

оборону в сторону Утицкого леса на случай обхода отсюда. В последнем случае южная флешь, по условиям обстрела обращенная к лесу тылом, должна была быть брошена, и вся оборона должна была основываться на взаимодействии северной и задней флешей»^{xxxviii}. Этим следует объяснить тот факт, что с нее так быстро и все до единого были свезены батарейные орудия, в отличие от двух других флешей, где артиллеристы, встречая атаку за атакой, предпочитали погибать на стволах своих пушек. Вероятно поэтому, по воспоминаниям русских участников битвы, трудно определить, пытались ли они отбить это укрепление. Французы же так и не выяснили между собой, уступили ли они вновь русским эту флешь, или же так и продолжали ее удерживать. Следует согласиться с выводом историка В. Н. Земцова: «...Французские и немецкие войска, если добивались полного контроля над люнетом, то предпочитали располагаться не в нем самом, а по внешним сторонам бруствера и во рву...»^{xxxix}. Если же во время боя за флешу русские воины и появлялись в русском укреплении, то это были в основном кавалеристы, что больше напоминало лихие наезды, чем попытку отбить флешь. Последующая борьба разгорелась уже вокруг северной и восточной флешей, но в эти первые полчаса сражения стало очевидно, что 1-й пех. корпус Великой армии не справился с задачей, которая, казалось, не представляла особой трудности. Потери были несоразмерны с результатом: значительнее всего в Бородинском сражении они были именно в 57 линейном полку. В отечественной историографии до сих пор бытует легенда, связанная именно с этим полком, введенная в оборот еще М. Ф. Орловым во время переговоров о капитуляции Парижа. Подтверждением служит и работа Н. А. Троицкого. Так, автор пишет: «**Восьмая атака флешей** превзошла по мощи все предыдущие <...> Штурмующие дивизии Даву и Нея рвались вперед, словно по приказу: «Теперь или никогда!» Впереди колонны Даву шли гренадеры 57 линейного полка. Молча, с ружьями наперевес, не

отстреливаясь, они бросились прямо на русские пушки. Сам Багратион, глядя на них, воскликнул: «Браво!» (*Троцкий Н. А.* 1812. Великий год России. М., 1987. С. 151–152). Опустив комментарии по поводу нумерации атак, отметим, что существование 57 линейного полка на Бородинском поле было гораздо короче... В числе первых пострадал сам Даву.

Методически, как хотел Наполеон, опрокинуть левый фланг не удавалось, но опасность, нависшая над 2-й Западной армией, нарастала. Следующий удар, который замышлял раздраженный неудачей неприятель, был страшен по количеству войск. Около 7.00 маршал Ней получил приказ императора двинуть свои войс ка в атаку. В 7.30 голова неприятельской колонны появилась из оврага ручья Каменка. «Дивизии 3-го корпуса двигались в следующем порядке 10-я, 25-я и 11-я, – писал Ней в Рапорте. – 8-й корпус был развернут в две линии»^{xl}. Пехоту поддерживала резервная кавалерия Мюрата, не спеша двинувшаяся следом. Наполеон постепенно наращивал мощь артиллерии перед дер. Семеновское, введя в бой до 300 орудий.

Со своего командного пункта главнокомандующий 2-й армии восторженно вглядывался в массы неприятельских войск, обращенные против левого крыла. «На него находили минуты вдохновения, и это случалось именно в минуты опасности; казалось, что огонь сражения зажигал что-то в душе его... Глаза его сияли...» – писал Ф. Глинка^{xli}. На генерале был сюртук со звездой и орденом св. Георгия 2-го класса, по его мнению приносившим ему удачу. Трижды обратившись к Кутузову за помощью, которая могла подоспеть к нему не раньше, чем через час, он уже знал, что должен сделать сейчас же, сию минуту. «Это был старый воин, страшный в сражении», – вспоминали французы. Багратион готовился не отбиваться от неприятеля, а броситься на него самому. Пока армейские резервы с окончности правого фланга запаздывали, он обходился без них. Он забрал

часть батальонов 7-го корпуса Раевского. Раевский обратился к Дохтурову с просьбой подкрепить его войсками 1-й армии, что Дохтуров немедленно исполнил. Багратион полагал, что главный удар неприятеля обрисовался полностью – это Семеновское. На это указывало необычайное скопление пехоты. Следовательно, сам он готовился встретить неприятеля с фронта, а Тучкову 1-му с его корпусом, по мнению Багратиона, надлежало немедленно ударить во фланг атакующим.

То, что Багратион именно так понимал задачу, возложенную на корпус Тучкова 1-го, подтверждается записью в дневнике Сен-При: «Генерал Тучков имел указание атаковать крайний правый фланг неприятеля, как только он будет пытаться овладеть Семеновской (Семеновское)». Далее начальник Главного штаба 2-й армии рассуждал: «Около 7 часов их (Неприятельские. — *Л.И.*) колонны двинулись в атаку на флешы. Они несколько раз были отбиты и вынуждены были бы отказаться от атак, если бы в это время корпус генерала Тучкова исполнил данное ему приказание. Но он, не сделав никакой диверсии, ограничился высылкой 3 дивизии в поддержку гренадерам, защищавшим флешы, а сам оставался в 2 верстах позади Утицы, в которой должен был находиться и откуда должен был двинуться вперед»^{xlii}. Генерал-квартирмейстер 2-й Западной армии М. С. Вистицкий придерживался той же точки зрения: «Багратион посылал несколько раз к генерал-лейтенанту Тучкову 1-му, чтобы он из дер. Утицы ударил в тыл и во фланг неприятеля, но он, к сожалению, отвечал, «что он старый генерал и знает, что делает, ибо меня самого атакуют...» От сего и он впоследствии и сам потерпел...»^{xliii} Упреки высших чинов Главного штаба 2-й армии в адрес Н. А. Тучкова тем более удивительны, что разительно отличаются от суждений Главного штаба Кутузова, полагавшего, что Тучков слишком рано и без надобности вступил в дело.

решительной атаки дер. Семеновское. Но те войска, с трудом

удерживаясь под выстрелами в южной флеша, просили маршала о помощи, что вынудило его изменить направление. «...Неукротимый воин кидается вправо, куда призывает его сильная пальба, где он замечает некоторое колебание в войсках первого корпуса»^{xliv}. 10-я дивизия Ледрю входит в одну флешу с дивизией Ком-пана; солдаты из 11-й дивизии Разу продолжают двигаться на северный люнет (восточный они увидели не сразу).

Настал час сводно-гренадерской дивизии, находившейся в первой линии перед неприятелем, который надвигался густой колонной. Гренадеры молча смотрели в глаза своей смерти. Так же молча, подняв фитили, ожидали французов артиллеристы. Наконец, грянул залп. «Французы облились кровью и не остановились. Как бешеные кинулись они в промежутки редантов и захватили второй из трех!»^{xlv} Гренадеры, вновь сомкнувшись в колонну, бросились на неприятеля в штыки. Их ряды быстро таяли на глазах начальника дивизии. Генерал-майор граф М. С. Воронцов взял последний уцелевший у него батальон и пошел с ним в атаку, из которой не возвращаются. «Сопrotивление моей дивизии не могло быть продолжительным, но оно кончилось, так сказать, с окончанием существования моей дивизии, – рассказывал Воронцов впоследствии историку А. И. Михайловскому-Данилевскому. – ...В наших рядах не было ни беглецов, ни сдавшихся в плен»^{xlvi}.

Схватка за флешу превратилась в жестокую бойню, в которой огромные массы людей «препирались с бешенством отчаяния». Полковник Роберт Вильсон так характеризовал все происходившее на этом участке фронта: «Пример начальников, нападения, атаки в штыки, чтобы отбивать неприятеля и удерживаться твердо – вот вся тактика этого дня. Перекрестный огонь артиллерии – единственное соображение стратегии!» К сводно-гренадерской дивизии, от которой оставалось не более 300 человек, устремилась на помощь пехота Неверовского. 27-я дивизия пошла в двух

колоннах вперед, опрокидывая все перед собой, сбрасывая неприятеля с брустверов реданов, «...и здесь исполнила она долг чести и храбрости, уничтожая несколько раз неприятельские намерения овладеть батареями», – писал в рапорте Неверовский^{xlvii}. С флангов атаку поддержала кавалерия 4-го корпуса К. К. Сиверса, вступившая в бой с легко-конными бригадами П. Мурье и Ф.-О. Бермана. Исход недолгой кавалерийской сшибки решил фланговый удар 2-й кирасирской дивизии И. М. Дуке, едва не пленившей Мюрата.

Русская тяжелая кавалерия не раз повторяла свои набег, неся при этом значительные потери. Однако вред, наносимый неприятелю, был не менее ощутим, что явствует из воспоминаний Жиро де л'Эна: «...Залпы картечи нашей батареи не смогли их остановить, так что батарея была опрокинута саблями, и канониры бросались между колес орудий и зарядных ящиков, пытаясь спастись от вражеских кирасир»^{xlviii}. Удачные действия кавалерии 2-й армии, усиленные бригадой генерал-майора Н. М. Бороздина 2-го, прибывшей с правого крыла, отражены в воспоминаниях офицера 111-го линейного полка Фоссена: «...Несколько высот были заняты нашими и орудия взяты, но тем не менее, неприятельская кавалерия атаковала и прорывалась сквозь наши ряды, захватывая орудия и забирая в плен»^{xlix}. Эти батальные зарисовки сделаны французами со стороны Утицкого леса, прилегающего к левой флешу, в то время, как главные усилия пехоты обеих сторон были направлены на правое и среднее укрепления. Ординарец Кутузова И. Р. Дрейлинг так описывал картину, открывшуюся его взору со стороны дер. Семеновское: «С безумной отвагой наступал неприятель на наши батареи; залитые целыми потоками крови, переходили они к неприятелю, вновь нами отбивались и так несколько раз». По словам Ф. Н. Глинки артиллерия в Бородинском сражении вообще жила своей собственной жизнью. Над головами сражавшихся у флешей с визгом пролетали ядра,

картечь, гранаты, «поражая насквозь сжатые строи» атакующих. Батареи у дер. Семеновское вели прицельный огонь по неприятельским орудиям, выдвинувшимся к реданам. Русская артиллерия, по образному выражению участника битвы, «менялась смертью» с батареями Сордье и д'Антуара.

Время близилось к 9.00, а войска маршалов так и не перешли через Семеновский овраг. «Багратион стойко выдерживал наш напор...», – писал Лабом. Все больше наращивая силы в бою за флешы, Ней все дальше уклонялся от основной задачи – овладеть деревней. «Мы слишком усилили свой правый фланг», – констатировал генерал Рапп. Упорство русских вынудило Нея перебросить к лесу корпус Жюно; вестфальцы должны были неожиданно обойти русские укрепления со стороны Утицкого леса. Удар на Семеновское с фланга в то время, как русские отбивались с фронта, оказался бы крайне опасным, если бы к полю боя не подоспели кавалеристы Бороздина и вместе с ними 2-я рота лейб-гв. Конной артиллерии, которой командовал капитан Р. И. Захаров. Увидев неприятеля, сосредотачивающегося к атаке, он, не дожидаясь распоряжений, принял самостоятельное решение. С марша развернув все 8 орудий, он открыл огонь с ближайшего картечного выстрела. «Вся голова колонны в полном смысле слова была положена на месте», – вспоминал А. С. Норов¹. Вестфальский корпус остановился надолго.

Сломив сопротивление дивизий Воронцова и Неверовского, французы медленно, оспаривая каждый шаг, стали продвигаться к дер. Семеновское. Ней рассчитывал, что теперь, наконец, «победа не ускользнет от него». Маршал Даву, к которому Ней обратился с предложением атаковать с фронта неприятельскую позицию, ответил: «Черт возьми, хотят, чтобы я взял быка за рога»^{li}. Только что у его ног упал с лошади смертельно раненый в грудь его начальник штаба генерал Ромеф. По числу убитых генералов битва приобретала характер «в точном смысле слова генеральной».

Багратион наблюдал с командного пункта за происходившим и готовился встретить противника. Тот, кем «почти сверхъестественно держался левый фланг», был уверен, что сможет не только отстоять Семеновское, но и вернуть назад флеши. Полки лейб-гв. Измайловский и Литовский уже вплотную подвинулись к Семеновским высотам. С ними подошла 1-я сводно-гренадерская бригада генерал-майора Г. М. Кантакузена, прибыли роты лейб-гв. Артиллерийской бригады. Вот-вот должна была явиться со Старой Смоленской дороги 3-я пех. дивизия генерал-лейтенанта П. П. Коновницына. В первую линию князь передвинул 2-ю гренадерскую дивизию Карла Мекленбургского: тяжелый шелк знамен, еще не успевших превратиться в обгоревшие клочья, торжественно плескался на ветру. Генералы Н. М. Бороздин, А. И. Горчаков, принц Мекленбургский, Г. Н. Кантакузен лично собирались вести в бой колонны. Князь Багратион выжидал, точно рассчитав время атаки. Он видел, как войска неприятеля, заняв флеши, смешались и пришли в неизбежное расстройство. Князь приказал сосредоточить огонь всех орудий по реданам, и особенно по неприятельской артиллерии, бившей по русским войскам, оказавшимся между флешами и оврагом. Защитники укреплений уходили под «покровительство» своей родной артиллерии, уступая место для новой атаки. Из дивизии Воронцова и Неверовского теперь едва ли можно было сформировать полк, но они выполнили свой долг до конца. «Наша верность, как и кровь в сражении, принадлежит Государю и Отечеству», – эти слова высечены на одном из памятников Бородинского поля.

Тем временем, 11-я дивизия Рау, чтобы закрепить успех, двинулась через овраг. Вырвавшийся вперед 4-й батальон 18-го линейного полка, которым командовал капитан Г. Боннэ, шел на верную смерть, не замечая встречного движения гренадерской дивизии. «Мы по-прежнему двигались вперед, пока не подошли совсем к краю оврага, который отделял нас от деревни на возвышенности; мы столкнулись нос к носу с другой колонной,

которая двигалась степенно и не спеша...», – вспоминал Боннэ^{lii}. В глаза французам блеснула холодная сталь штыков, по словам Ермолова «любимое оружие русского солдата». Тесня неприятеля, гренадеры спустились в овраг и, сомкнув колонны, двинулись к флешам. «Гренадеры, пред полками коих священники в облачениях, с крестом в руках, шли истинно в страх врагам – геройски, у каждого в глазах сверкала слеза чистой веры, а на лице – готовность сразить и умереть», – так описывал современник атаку 2-й гренадерской дивизии^{liii}.

Бой, вновь завязавшийся на равнине перед деревней, был страшен. В этой схватке никто не остался в стороне. «...Князь Багратион замыслил великое дело. Приказания отданы, и все левое крыло наше, по всей длине своей, двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки! Сошлись!.. Тысячи расшиблись на единицы, и каждая кружилась, действовала, дралась! Это была личная, частная борьба человека с человеком, война с воином, и русские не уступили ни на вершок места. Но судьбы вышние склонили чашу весов на сторону французов. Мы вдруг стали терять наших предводителей», – сказано в очерках Бородинского сражения Ф. Глинки. Получил тяжкую рану принц Мекленбургский, во главе колонны был ранен корпусной командир Бороздин 2-й, осколок гранаты раздробил руку племяннику Суворова князю А. И. Горчакову, был убит на бруствере укрепления князь Г. Н. Кантакузен, по преданию его войска ввел в редан, отбитый у неприятеля, сам Багратион. Сильно пострадали полковые командиры. Московский гренадерский полк лишился в атаке полковника Шатилова. Подвиг его соратника запечатлен в скупых строках Реляции Кутузова: «Астраханского гренадерского полку полковник Буксгевден, несмотря на полученные им три тяжкие раны, пошел еще вперед и пал мертв на батарее с многими другими храбрыми офицерами»^{liv}. Александр I, узнав о потерях среди полковых командиров, разрешил Кутузову своею властью производить в полковники офицеров, отличившихся

при Бородине с тем, чтобы немедленно восполнить убыль в штаб-офицерском составе.

Усилия русских воинов были не напрасны. Маршал Ней известил Наполеона, что Багратион вновь перешел в наступление, выбил его из деревни и отнял флешы. Ней требовал немедленно подкрепить его, «если Император не хочет, чтобы маршал был разбит». В то время вид поля битвы у деревни ужасал каждого, потери обеих сторон были велики и невозможны. Французская армия расшиблась о русскую. По словам Багратиона, «и трус не смог бы найти себе здесь места». В рапорте Александру I (от 27 августа) он образно назвал равнину перед Семеновским оврагом «гробом французской пехоты». Князь решился нанести фланговый удар силами кавалерии корпуса Д. В. Голицына. Наблюдая за действиями кирасир, князь взобрался на возвышенность севернее деревни. В это время осколок гранаты раздробил ему берцовую кость левой ноги. Опасаясь смутить подчиненных, Багратион некоторое время пытался скрыть свою рану и, преодолевая боль, удерживался в седле, пока не потерял сознание. «В мгновение ока пронесся слух о его смерти, и войск невозможно удержать от замешательства. Никто не внемлет грозящей опасности, никто не брежет о собственной защите: одно общее чувство – отчаяние!» – вспоминал А. П. Ермолов. Рядом с Багратионом был ранен и его начальник штаба Э. Ф. Сен-При. Неприятель вновь захватил реданы и пытался прорваться в деревню, как был атакован подоспевшей дивизией П. П. Коновницына, отбросившей французов от Семеновских высот. «При сем довольно счастливым происшествии получаю известие, что Багратион и его генерал штаб (Начальник штаба. – *Л.И.*) Сен-При ранены, коих уже понесли, и мне как на сем пункте старшему, Багратионом оставлено главное начальство...», – вспоминал П. П. Коновницын. Единственному уцелевшему «на этом пиру смерти» генералу следовало немедленно принять решение, что делать дальше. Неприятель, которого он, ошеломив внезапностью, прогнал с

реданов, поодаль приходил в себя и снова концентрировался перед нападением, выдвигая артиллерию и кавалерийские части. Коновницын приказал своим войскам немедленно очистить флешы и отойти за овраг, где теперь уже в первой линии стояли, «устраиваясь в батальонные каре» полки лейб-гв. Измайловский и Литовский, наблюдавшие, как мимо них проходили малыми группами и поодиночке гренадеры сводных батальонов и дивизий принца Мекленбургского, пехотинцы Неверовского, Коновницына и Васильчикова. Они примыкали к флангам гвардейских полков, вновь намереваясь защищаться. Генерал Неверовский, оправившись от сильной контузии, составил цепь стрелков из уцелевших воинов, расположив их впереди полков лейб-гвардии. Часть гренадер заступала места орудийной прислуги, которой почти не оставалось в ротах, вступивших в бой с утра. Русские артиллеристы на Семеновских высотах^{lv} отличились жертвенным мужеством. Они перемещались с орудиями вслед за атакующей пехотой и кавалерией и прикрывали их до последнего снаряда во время отступления. Оставаясь в укреплениях рядом со своими пушками, они гибли на штыках, и под ударами неприятельских сабель и палашей. Они несли смерть неприятелю, подавляя его батареи, и принимали ее сами, вызывая на себя огонь. Так, А. С. Норов, прибывший около полудня к дер. Семеновское в составе 2-й легкой роты гвардейской артиллерии, вспоминал: «Несколько правее от нас действовала небольшая батарея; мы узнали впоследствии, что это был остаток нашей гвардейской 1-й легкой роты, которая уже давно боролась возле Измайловского полка... Она уже готовилась сняться с позиции от огромной потери в людях, лошадях, от растраты всех зарядов и по причине подбитых орудий. Из ее семи офицеров уцелел только один Ладыгин; у прапорщика Ковалевского оторвало обе ноги, а у Рюля – одну»^{lvi}.

Между 9 и 10 часами наступил самый тяжелый период сражения. В руках французов к тому времени находилось центральное укрепление –

батарея Раевского, которую невозможно было удержать, не захватив Семеновское. Ней, Мюрат и Даву вновь готовились к атаке. Они давно уже требовали ввести в бой гвардию, потому что для решительного удара сил уже не хватало. Однако повелитель Франции, по словам генерала Пеле, чувствовал, что гвардия «предназначалась не для такого боя». Около получаса было потеряно им в раздумьях. Отказ, последовавший через генерала Бельяра, по словам историка, «вызвал более одного нетерпеливого движения, более одного очень живого выражения со стороны Мюрата и Нея... Ней, между прочим, воскликнул: «Пусть же он едет в Париж!» Наконец, Наполеон отдал приказ ввести в бой дивизию Фриана, которая изначально сберегалась императором «для исправления ошибок». Обеспечить успех атаки дивизии Фриана должен был 4-й кав. корпус генерала Латур-Мобура. Около 10 часов утра Фриан двинулся к дер. Семеновское и, не дожидаясь кавалерии, попытался ворваться в деревню, но был сброшен в овраг, за которым в течение уже длительного времени находился в бездействии маршал Мюрат с кавалерией, «подвергаясь губительному огню батареи Семеновского». Король Неаполитанский приказал Латур-Мобуру «взять бригаду кирасир французских и саксонских, перейти овраг, изрубить всех, галопом влететь с задней стороны...»^{lvii}

Но атаки конницы не были достаточно мощными. Крутой берег Семеновского оврага являлся сильным препятствием и далеко не единственным, которые преодолевали полки из бригады генерала Й. Тильмана. Участник этих атак Лейссер писал: «...Передо мной на удалении примерно 1000 шагов находился обрывистый край долины, о который уже разбилось так много атак... Мы двигались, подаваясь то вправо, то влево, то вновь перестраиваясь и преодолевая многочисленные препятствия... А в одном месте 1-й эскадрон даже довольно глубоко увяз»^{lviii}. При подъеме на берег оврага лошади падали на всадников, скачущих позади, и увлекали их в

падении. Многие кавалеристы проваливались в раскаленные погреба сгоревших домов, не заметив их в пылу атаки. Сам генерал Тильман назвал местность перед дер. Семеновское «чрезвычайно сложной». Это, по-видимому, вынуждало неприятеля атаковать русские каре поэскадронно, а не всей массой. Даже если полкам Цастрова и Гар дю Кор удавалось сломать каре, пехотинцы ложились на землю, притворяясь мертвыми, пропускали всадников через себя, а потом поднимались и стреляли им в спину. На другом берегу оврага неприятельских кирасир встречали «латники» из корпуса князя Д. В. Голицына. Русские кирасиры неоднократно устремлялись на помощь пехоте, вступая в ожесточенные схватки в тылу у гвардейских каре. По словам Ф. Н. Глинки, кавалерия Голицына играла роль укреплений, которых так не хватало пехоте. Главный герой этих событий П. П. Коновницын рассказывал об атаках «железных людей» Наполеона немногословно: «Три большие кавалерийские атаки неприятельских кирасир и конных гренадер... отражены были с невероятным успехом, ибо несмотря, что карей, устроенные оными совсем окружены, неприятель с крайним уроном был прогнан огнем и штыками»^{lix}. Сен-При, которого не успели вывезти с поля боя, наблюдавший за происходящим лежа на плаще в одном из каре, записал в дневнике: «Тем не менее цель французов была достигнута, пехота их воспользовалась этой минутой беспорядка, чтобы овладеть деревней... Все наше левое крыло построилось позади деревни...»^{lx} Французы подвинули орудия через овраг, подвергая всю линию сокрушительному обстрелу. Гвардейские офицеры, выстоявшие «со сжатым сердцем» несколько часов на позиции у дер. Семеновское, сознавались, «что уже не искали способа отражать наскоков французской кавалерии, прерывавших на время действия французских батарей. И кто поверит, что минуты этих разорительных наскоков были минутами отрады и отдыха!»^{lxi} У самого генерала Коновницына пролетающим ядром оторвало обе полы сюртука и

«оконтузило в поясницу», но он оставался в седле. Сюртук с оборванными полами он назвал «куриозом» и отослал домой жене на память о Бородинской битве, в которой, по его словам, он «не посрамился». Во время кавалерийских атак генерал въезжал в каре Литовского полка, обращаясь к солдатам: «Помните, вы сражаетесь за Пречистую Деву, за Дом Пресвятой Богородицы!» Бригадой Литовцев и Измаил овцев, «покрывших себя в глазах всей армии неоспоримую славой», командовал полковник М. Е. Храповицкий. Раненный в ногу осколком снаряда при Бородине, он не покинул поле, пока не объехал все каре, поблагодарив подчиненных за службу.

Когда к дер. Семеновское прибыл генерал-квартирмейстер Толь, он увидел картину, описанную его сослуживцем А. А. Щербининым: «Карл Федорович едва приехал на левый фланг убедился в необходимости подкрепления. Ядра сыпались на село Семеновское, деревья падали и избы разрушались, как декорации театральные; воздух был непрерывно и земля дрожала. Мы подъехали к дивизионному командиру (Бригадному начальнику. – *Л.И.*) Александру Алексеевичу Тучкову. Он тут же пал от ядра»^{lxxii}. Около 11 часов «в пожар и смятение левого крыла въехал человек на усталой лошади в поношенном генеральском мундире» генерал от инфантерии Д. С. Дохтуров, принявший в командование войска 2-й Западной армии и немедленно потребовавший резервы. По отзывам сослуживцев, генерал Дохтуров «в малом и тучном теле своем имел душу недоступную слабостям». Именно поэтому Кутузов назначил его руководить войсками левого крыла в самую тяжелую минуту. По его настоянию весь 2-й пех. корпус генерал-лейтенанта Багговута спешно двинулся на левый фланг. Бригада Тобольского и Волынского полков прикрыла Семеновское с севера, дивизия З. Д. Олсуфьева – со стороны леса.

Среди поредевших каре русской гвардии не раз появлялся начальник Главного штаба Л. Л. Беннигсен. Молодые офицеры, набравшись храбрости,

обратились к маститому полководцу, победившему Наполеона в битве при Эйлау: «В какой степени можно сравнивать настоящее Бородинское сражение с Прейсиш-Эйлаусским?» Старый генерал некоторое время молча смотрел в совсем еще юные лица офицеров, уже так много переживших в тот день и продолжавших умирать под градом ядер, картечи и гранат.

«Верьте мне, что в сравнении с тем, что мы до сих пор видим, Прейсиш-Эйлаусское сражение только сшибка», – ответил Беннигсен, наполнив гордостью их сердца^{lxiii}.

В 5 часов вечера артиллерийские залпы на левом фланге постепенно стали затихать. Наполеон так и не ввел в бой гвардию. Левый фланг русской позиции, подавшийся назад не был ни прорван, ни разбит. Благодаря мужеству и упорству его защитников действия французов в продолжении дня носили уже не «методический», а случайный характер. Участница битвы за Семеновские высоты Н. А. Дурова писала в Записках кавалерист-девицы: «Солдат – это больше, чем человек». В сражении на левом фланге русские воины доказали это со всей очевидностью, сорвав замысел неприятеля. «С запекшейся кровью на устах, с почерневшими от пороха лицами, позабыв счет времени и все внешние отношения, они не знали, где находятся; знали только одно, что им надобно стоять и драться – и дрались непрерывно, дрались отчаянно!...Где было две тысячи, осталось две-три сотни! И те сиротами прижимались к своему знамени и искалеченными тела ми защищали полковую святыню!»^{lxiv}

В последнем рапорте императору Александру I (от 27 сентября 1812 г.) главнокомандующий 2-й Западной армии генерал от инфантерии князь Багратион писал: «Сей день, всемилостивейший Государь, войско русское показало совершенную неустрашимость и неслыханную храбрость от генерала до солдата. Неприятель видел и узнал, что русские воины, горящие истинною к тебе, всемилостивейший Государь, и Отечеству любовью,

бесстрашно все готовы пролить кровь, защищая августейший твой престол и Отечество. День сей пребудет и в предбудущие времена знаменитым редким героизмом русских воинов...»^{lxv}

Примечания

- ⁱ *Богданов Л. П.* Боевой порядок русской армии в Бородинском сражении // 1812 год. К столетию Отечественной войны. Сб. ст. М., 1962. С. 98.
- ⁱⁱ *Липранди И. П.* Материалы для Отечественной войны 1812 года. Сб. ст. СПб., 1867. С. 16–17.
- ⁱⁱⁱ *Логин В.Т.* Диалектика военно-исторического исследования. М., 1979. С. 30.
- ^{iv} *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882.
- ^v *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1997. С. 68.
- ^{vi} Труды ИРВИО. СПб., 1912. Т. VI, кн. 2. С. 45.
- ^{vii} *Ермолов А.П.* Записки. М., 1991. С. 185.
- ^{viii} *Богданов Л.П.* Указ. соч. С. 108.
- ^{ix} *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 63.
- ^x Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 71–72.
- ^{xi} *Сен-При Э.Ф.* Дневник // *Харкевич В. И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1900. С. 150.
- ^{xii} Бородино... С. 72.
- ^{xiii} Там же. С. 72–73.
- ^{xiv} *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 69.
- ^{xv} *Сен-При Э.Ф.* Указ. соч. С. 151.
- ^{xvi} Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 155.
- ^{xvii} Бородино... С. 73.
- ^{xviii} *Сен-При Э. Ф.* Указ. соч. С. 151.
- ^{xix} Бородино... С. 109.
- ^{xx} Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 155.
- ^{xxi} Там же. С. 379.
- ^{xxii} Там же. С. 32.
- ^{xxiii} Там же. С. 109.
- ^{xxiv} *Петров М.М.* Рассказы служившего в 1-м егерском полку... // Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 180.
- ^{xxv} Бородинское сражение. Издание ИОИДР... М., 1872. С. 115.
- ^{xxvi} Бородино... С. 91.
- ^{xxvii} Там же. С. 358.
- ^{xxviii} *Давыдов Д. В.* Опыт теории партизанского действия. М., 1822. 2-е изд. С. 105.
- ^{xxix} Бородино... С. 379.
- ^{xxx} *Богданов Л. П.* Указ. соч. С. 98.
- ^{xxxi} Бородино... С. 81.
- ^{xxxii} *Липранди И. П.* Бородинское сражение, заключение с некоторыми примечаниями на историю этой войны, соч. г.-м. Богдановича // Материалы для Отечественной войны 1812 года. Сб. ст. СПб., 1967. С. 175–176.

-
- xxxiii Бородино... С. 380.
- xxxiv Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения // Письма русского офицера. М., 1985. С. 49.
- xxxv Бородино... С. 389.
- xxxvi Земцов В. Н. Битва при Москве-реке. М., 1999. С. 80–82.
- xxxvii Бородино... С. 183–184.
- xxxviii Геруа А. В. Бородино. СПб., 1912. С. 24.
- xxxix Земцов В. Н. Указ. соч. С. 88.
- xl Pieces officielles et bulletins de la Grande Armee. Annee 1812 (Extrait du Journal official. Paris, s. a. [1813]. P.325–326.
- xli Глинка Ф. Н. Указ. соч. С. 87.
- lii Сен-При Э. Ф. Указ. соч. С. 151, 154.
- liiii Вистицкий М. С. Записки // Харкевич В. И. Указ. соч. С. 187.
- liiv Бородинское сражение... М., 1872. С. 75.
- liv Глинка Ф. Н. Указ. соч. С. 88.
- lvvi Бородино... С. 155.
- lvvii Там же. С. 165.
- lvviii Россия первой половины XIX века... С. 156.
- lix Цит. по: Земцов В. Н. Указ. соч. С. 155.
- ¹ России двинулись сыны. М., 1985. С. 65.
- li Родина. 1992. № 6–7. С. 54.
- lii Vonnet. Journal Garnet de la Sabretache. 1912. P. 658-659. Сообщено А. А. Васильевым.
- liiii Душенкевич Д. В. Из моих воспоминаний от 1812-го до <1815-го года> // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 114.
- liv Бородино... С. 137.
- lv Там же. С. 358.
- lvi России двинулись сыны. С. 356–357.
- lvii Там же. С. 24.
- lviii Там же. С. 28.
- lix Бородино... С. 168.
- lx Сен-При Э. Ф. Указ. соч. С. 156.
- lxi Бородино... С. 387.
- lxii Харкевич В. И. Указ. соч. С. 20.
- lxiii Глинка Ф. Н. Указ. соч. С. 99–100.
- lxiv Там же. С. 113.
- lxv Бородино... С. 110.